

УДК 801.8+792.01+82-2
DOI: 10.48164/2713-301X_2024_17_57

О.В. Журчева

Самара
Самарский государственный
социально-педагогический университет
janvarof@mail.ru

МЕЖДУ А.П. ЧЕХОВЫМ И М. ГОРЬКИМ: ПЬЕСА ЕВГЕНИЯ ЧИРИКОВА «ИВАН МИРОНЫЧ» В ПОСТАНОВКЕ МОСКОВСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА (1905)

Исследование посвящено разбору одной из самых известных пьес Е.Н. Чирикова «Иван Мироныч» с точки зрения отражения в ней чеховских и горьковских художественных поисков. Процесс постановки пьесы в МХТ был отражен в режиссерском дневнике К.С. Станиславского, где впервые возникла мысль о связи произведения с предшествующими постановками А.П. Чехова и М. Горького. Это наблюдение режиссера заставляет задуматься не только об особенностях поэтики пьесы Чирикова, но и о месте драматурга в контексте литературной и театральной жизни своего времени. Общие тенденции в воссоздании на сцене мира русской провинции с его пошлостью, скукой, мраком бездуховности роднит произведение Чирикова с чеховским и горьковским театром. Однако персонажи Чирикова скромнее и непритязательнее, их томление о будущем сосредоточено на утверждении духовной самостоятельности и не выходит за рамки той же обыденности.

Ключевые слова: Е.Н. Чириков, пьеса «Иван Мироныч», режиссерский дневник К.С. Станиславского, МХТ, русская провинция, обыденность.

Начинается путь Чирикова-драматурга с анекдота, который он сам отразил в «Автобиографии»: «В 1902 году, увидев впервые в Московском Художественном театре “Дядю Ваню” Чехова, стал писать пьесы» [1, с. 35].

Евгений Чириков к этому времени был достаточно известным автором и активно печатался в «толстых» литературно-художественных журналах того времени: «Вестник Европы», «Русское богатство», «Мир Божий», «Русская мысль» и др. В 1900-е гг. Чириков стал автором горьковского издательства «Знание», вошел в литературный кружок Н.Д. Телешова и сблизился с МХТ. «Его успех В.И. Немирович-Данченко называл “успехом в хвосте кометы”» [2], – пишет И.Н. Соловьева в статье о Чирикове как об авторе МХТ.

Постановка пьесы «Иван Мироныч», осуществленная в МХТ, была принята очень сдержанно, хотя и прошла на сцене тридцать три раза. Ход работы над драматургическим материалом подробно описал в своем режиссерском дневнике К.С. Станиславский. Режиссер не был удовлетворен постановкой пьесы, но репетиционный процесс вскрыл рутину, возникшую в театральной технике актеров при освоении бытового материала. Поэтому можно считать, что спектакль «Иван Мироныч» стал своеобразным трамплином к новому сближению театра с драматургическим творчеством М. Горького, своего рода «разминкой» перед постановкой «Детей солнца». Попутно нужно заметить, что в тот же год пьеса «Иван Мироныч» была поставлена в Петербурге в теа-

тре В.Ф. Комиссаржевской. Спектакль прошел с гораздо большим успехом, поскольку артистам удалось передать внутреннюю трагедию героини и создать более яркие образы «новых людей» – Ольги и Сергея Борисовича.

Всего Е.Н. Чириков написал 16 пьес и одну пьесу-шутку «Сон драматурга». Две пьесы – «Евреи» (1903) и «Мужики» (1905) – театральная цензура запретила к постановке. Драматургическая манера Чирикова оказалась весьма разнообразной. Здесь было место и условной экспрессионистской манере в подражание Леониду Андрееву («Легенда старого замка»), и бытовому театру («Дом Кочергиных», «Шакалы»), и фольклорным мотивам («Колдунья», «Красота ненаглядная»). Все эти пьесы регулярно отправлялись на чтение В.И. Немировичу-Данченко с предложением поставить в МХТ. Пьесы Чирикова ставили Вс. Мейерхольд, К. Марджанов и другие крупные режиссеры, что позволяет говорить о безусловной значительности драматургии Чирикова для своего времени. Но МХТ принял и реализовал на сцене только «Ивана Мироныча».

Социально-бытовая пьеса «Иван Мироныч» Е.Н. Чирикова представляла своего рода вариацию чеховского рассказа «Человек в футляре» [См.: 3; 4]. Первые пьесы Чирикова «Во дворе во флигеле» (1902), «Иван Мироныч» (1904), «Марья Ивановна» (1908) написаны в чеховской традиции. Критика отмечала определенные общие мотивы: быт русского провинциального города, бездуховность мещанской среды, пошлость обыденного существования. Однако в пьесах Чирикова прослеживается иной драматургический конфликт – не субстанциональный, переживаемый всеми персонажами и сообщающий трагический фон происходящему, а личностный. Положительные персонажи Чирикова мечтают о некоем прекрасном будущем, вспоминают прошлое, не приемлют настоящее (почти как у Чехова), но дальше мыслей о личной свободе их желания не выходят.

Генеральная линия характера Веры Павловны – это неясное, но настойчивое стремление к личной свободе. Имя героини напоминает о другой Vere Павловне из произведения Н.Г. Чернышевского «Что делать?» и организует цепь ассоциаций с содержанием известного романа.

В тексте пьесы встречается множество намеков, прямых и скрытых, о свободе / несвободе. Так, свекровь в четвертом действии корит героиню за ее попытку освободиться от мужа (и от жизни): «Вы теперь не своя...»¹. Позже, падчерица Ольга читает вслух героине какую-то популярную книжку: «Бирманская девушка не меняет своего имени, когда она выходит замуж, не носит никакого знака, который бы указывал на то, что она замужем»². Здесь тоже звучит мысль о личной свободе женщины, о ее потенциальных возможностях.

Иван Мироныч Боголюбов представлен в пьесе домашним мучителем, приверженцем всего правильного и разрешенного, «симметрии и порядка». Объектами его тирании становятся и жена, и дочь Ольга, и сын-школьник Гриша. Чириков показывает мелкого человека в момент его триумфа: его, учителя шестиклассной прогимназии, только что назначили инспектором прогимназии – в его руках воспитание сограждан.

Учитель Иванов, коллега Ивана Мироныча, в какой-то момент заявляет: «В футляре мы или без футляра, любим мы своих жен или только притворяемся, что любим, это наше дело»³, – а это прямая реминисценция чеховского рассказа.

Характеризуя качества Ивана Мироныча и его окружения, Чириков широко использовал детали поведения: после рассуждений о симметрии и ее законах, после восстановления этой симметрии в расстановке мебели в новой гостиной происходит следующее:

Иван Миронович (*оглядывает гостиную и потирает руки*). Совсем другое дело!

¹ Чириков Е.Н. Иван Мироныч [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/c/chirikow_e_n/text_0060.shtml (дата обращения: 15.04.2024).

² Там же.

³ Там же.

(Прохаживается, делает несколько поправок, заводит часы с музыкой; часы играют "Боже, царя храни!". Довольным тоном подпевает басом, затем подходит к тазу с песком и плюет туда.) Эх, не попал! (Кричит.) Авдотья! Авдотья!

Дуня (в дверях). Что, барин?

Иван Миронович (очень серьезно).

Плонул – и не попал. (Показывает рукой.) Вытри, душа моя!.. Сейчас же вытри!¹

Любовь Васильевна, мать Боголюбова, после ухода гостей сливает из рюмок вино в бутылки. Жена чиновника Иванова требует от мужа проигранный только что в карты двугривенный. Вообще Чириков насытил пьесу массой характерных деталей и назвал их «символами». В личном письме к Вл.И. Немировичу-Данченко драматург писал: «Как понять эти символы, их у меня много. Например, желание сделать в заборе калитку, пугалы, глобус во власти Иванов Миронычей, пение "в двенадцать часов по ночам" и т. д. При уничтожении всех этих "символов" пьеса окончательно теряет соль...» [1, с. 39].

Актер МХТ Василий Васильевич Лужский стал режиссером спектакля и исполнял роль Ивана Мироныча. Поскольку для Лужского это был первый опыт в постановке спектакля, в процесс репетиций вмешался К.С. Станиславский. Как художественный руководитель постановки он вел режиссерский дневник с 16 ноября 1904 г. до премьеры, состоявшейся 28 января 1905 года.

«Идея пьесы – гнет мещанства. Нужно это мещанство, нужно, чтоб публика почувствовала, как тяжело жить жене в этой душной атмосфере, среди ужасной мещанской безвкусицы инспектора»², – пишет режиссер 5 января 1905 г. в связи с выбором и утверждением мебели для спектакля.

«В пьесе есть маленькая идейка, – записывает Станиславский 17 января,

возмущаясь поверхностной актерской разработкой ролей, – что инспектор... давит и не дает дышать людям. Для общего благополучия созданы какие-то правила. Они нелепы и мешают жить тем, у кого эта жизнеспособность есть. Тем же, у которых нет в себе настоящей жизни, как у инспектора и его матери, как у великих мира сего, – тем удобнее жить среди размеренной жизни, поучать и повелевать. <...> Они прозябают, а не живут и поэтому должны дать место тем, кто хочет и умеет жить. <...> Если же эта не Бог знает какая идейка станет выпуклой, вся пьеса получит очень современное значение»³.

Станиславский пытается внести в текст гражданское звучание, намеки на современность, для этого надо убрать «чеховское» из диалогов Ивана Мироныча и Веры Павловны, особенно в финальном объяснении. Когда героиня чувствует непонимание, «Качалова отделяется шуткой и, совсем не боясь его теперь, предлагает выпить за свободу. Калужский шваркает стул и уходит»⁴.

Станиславский, следуя логике собственных постановок пьес Чехова, пытался соединить и одновременно противопоставить открытое пространство сада и замкнутое тесных комнат: «Надо дверь оставить открытой, а в спальне сделать темноту и свет лампы. Пусть старики, растерянные и плачущие, сидят в опустевшем доме на диванчике близко друг к другу и удивленно поглядывают друг на друга. Пусть заиграет в дальних комнатах старая музыка-часы, пусть из сада в комнату ворвется первый луч восходящего солнца и под самый конец в саду раздастся свободная, вольная песнь – дуэт Гельцер и Н.Н. Качаловой (или пусть хором поют на Волге)»⁵. Здесь проявилось внимание МХТ к звуковой партитуре спектакля, так особую атмосферу волжского пейзажа отражала звучащая за сценой «Дубинушка».

¹ Чириков Е.Н. Указ. соч.

² Станиславский К.С. Из режиссерского дневника 1904-1905 гг. («Иван Мироныч») // Станиславский К.С. Собр. соч.: в 8 т. Т. 5. Москва: Искусство, 1958. С. 218.

³ Там же. С. 244.

⁴ Там же. С. 245.

⁵ Там же. С. 246.

Интересны замечания К.С. Станиславского, в которых выявилась некоторая «вторичность» пьесы Е.Н. Чирикова, поскольку актеры сознательно или бессознательно испытывали на себе влияние уже сыгранных ими горьковских и чеховских ролей.

По поводу роли Ивана Мироныча, которая впоследствии была признана не только смысловым центром спектакля, но и одной из лучших ролей В.В. Лужского, Станиславский записал: «Калужский забивает найденный тон, он не развивается, а, напротив, сушится. Начинает сильнее сквозить сходство с Бессеменовым»¹.

Об Александре Родионовиче Артеме, сыгравшем Соловьева, сослуживца Ивана Мироныча: «Артем – стар. <...> Играет Вафлю. Предложил играть барина»².

Общее настроение пьесы, особенно в массовых сценах, актерам представлялось близким к чеховским, а режиссер пытался увести их от этого настроения: «Сегодня понял, что тон этого акта и всей пьесы (что и отличит и пьесу и особенно эту вечеринку от “Вишневого сада” и “Иванова”) – провинциализм. Глухая провинция с ее ужасными типами и мещанством»³. И далее: «Третий акт. Добивался звуков игры в семейный винт. Отдельные звуки непохожи на “Иванова”»⁴.

Несмотря на пессимизм, который преследовал К.С. Станиславского в процессе репетиций «Ивана Мироныча», он посвятил подробнейшему разбору текста большой кусок своего режиссерского дневника. Преодоление уже наработанных приемов в работе над пьесами Чехова и Горького стало своего рода сверхзадачей актеров, так как поэтика пьесы Е.Н. Чирикова, безусловно, выросла из литературно-драматургического контекста своего времени, где чеховско-горьковская линия была ведущей.

Мысль о том, что ранние бытовые пьесы Чирикова находились под сильным влиянием драматических опытов М. Горького, отмечена в академическом труде Ю. Юзовского «Максим Горький и его драматургия» [7], что во время выхода книги в 1959 г. можно считать большим достижением, поскольку имя писателя-эмигранта Е.Н. Чирикова практически не упоминалось. В главе «Горький и драматурги-“знаньевцы”: Чириков, Юшкевич, Найденов, Айзман» литературовед посвящает несколько страниц сопоставлению пьесы «Иван Мироныч» с горьковской пьесой «Мещане». Несмотря на то, что в исследовании Юзовского «Иван Мироныч» явно проигрывает «Мещанам», становится совершенно очевидно, что пьеса Чирикова имеет глубокую связь, а в чем-то даже зависимость от чеховской и горьковской драматургической поэтики как на уровне идей, так и на уровне построения драматургического сюжета и характеров.

А.П. Чехов в своей драматургии сделал своего рода открытие: он перенес кульминацию (катастрофу) в третье действие, дав возможность следить за медленной развязкой, медленным умиранием событий в четвертом действии. Этот прием у Чехова перенял и М. Горький. В пьесе «Иван Мироныч» можно увидеть нечто подобное, реализацию похожего композиционного приема: третье действие – шумная, многолюдная «вечеринка» по поводу назначения Ивана Мироныча инспектором шестиклассной прогимназии с танцами, ужином и всеми сопутствующими вещами: флиртом, скандалами, выяснениями отношений и самым главным – разрывом героини с мужем и ее попыткой уйти из жизни.

Не случайно Станиславский мучительно пытался объяснить актерам и режиссеру Лужскому, что не надо ставить и играть в третьем действии сцену бала из «Вишневого сада». Тем более что цензура, вычеркнув полностью четвертое действие, лишила пьесу не

¹ Станиславский К.С. Указ. соч. С. 214.

² Там же. С. 217.

³ Там же. С. 247.

⁴ Там же. С. 249.

только развязки, но также динамики и драматизма, поскольку на фоне мнимого умиротворения происходит еще одна попытка самоубийства Веры Павловны.

В «Иване Мироныче» есть признаки личностного конфликта между Верой Павловной и мужем, однако это поверхностный конфликт, он не ведет к «взрыву», так как полностью проявился уже в первом действии. Углубление его не происходит вплоть до второй половины третьего действия. Кульминация этого конфликта – мнимая, ведь причина конфликта неправильно понята Иваном Миронычем. Муж так и не осознал, чего же хочет его жена, даже когда конфликт снят самоубийством Веры Павловны. Здесь нет типичного для драматургии А.П. Чехова и вообще «новой драмы» рассеяния конфликта среди всех персонажей. Веру Павловну в ее внутренней раздвоенности более или менее последовательно поддерживает только падчерица.

Хотя рефлексия и риторика Веры Павловны, Оли, Сергея Борисовича вроде бы схожи и с чеховской, и с горьковской в понимании онтологического (не идеологического) конфликта эпохи, мечты о будущем, желания героев видятся очень уж личными, локальными. Особенно это проявляется в разговоре Оли, Веры Павловны и Сергея Борисовича, когда героиня своим собеседникам и себе на разные лады задает вопросы «Вы счастливы?», «Что вы любите?». Ответом на них звучит короткий монолог Сергея Борисовича:

Сергей Борисович. ...Как плачет осенью дождик и как зимой крутит в поле метель... Однажды меня сопровождали из одного скверного города в другой, еще более скверный... Морозы стояли великолепные! Снег сиял так, что трудно было смотреть. Сибирские лошади – это, я вам скажу, птицы! Летишь, дух замирает... А главное, приятно уж очень ощущение неизвестности! Куда-то едешь – и сам хорошенько не знаешь; что-то с тобой будет – и тоже ничего не знаешь. Висишь себе среди снегов, слу-

шаешь колокольчики и бубенчики и сливаешься с этим холодным сверкающим царством снеговой пустыни... Ей-богу, хорошо! Восемьсот верст проехали...¹

Короткий монолог – единственное, что характеризует этого героя, намекает на его особое положение в городе, на арест, на высылку в Сибирь и его отношение к жизни. Здесь же слышна явная реплика к словам Нила из «Мещан» о движении в противовес статичному прозябанию:

Нил. Я умею оттолкнуть от себя в сторону всю эту канитель... С курьерским, например, – фьюить! Режь воздух! Мчись на всех парах!.. Я люблю быть на людях. <...> Жить, – даже не будучи влюбленным, – славное занятие! Ездить на скверных паровозах осенними ночами, под дождем и ветром... или зимою... в метель, когда вокруг тебя – нет пространства...²

Пересекаются реплики и в чем-то даже жизненные ситуации Елены из «Мещан» и Веры Павловны. Можно сравнить.

«Иван Мироныч»:

Ольга. А где ты жила, когда была маленькая?

Вера Павловна. В большом каменном доме. Я училась в Петербурге, в сиротском институте... У меня рано умерли и отец, и мать, и не было близких людей. И все мое детство и юность прошли там, в каменном доме... Кругом дома была каменная ограда с высокой чугунной решеткой... А у ворот была будка, и в ней всегда сидел сторож...³

«Мещане»:

Елена [задумчиво]. Когда я жила в тюрьме... там было интереснее... Я была свободна, никуда не ходила, никого не принимала и жила с арестантами... Я купила птичек, клеток, и в каждой камере была своя птичка... они любили ее – как меня!.. Я не заметила,

¹ Чириков Е.Н. Указ. соч.

² Горький А.М. Мещане // Горький М. Собр. соч.: в 30 т. Москва: ГИХЛ, 1950. Т. 6. С. 39.

³ Чириков Е.Н. Указ. соч.

как прошло три года... и когда мужа убила лошадь, я плакала не столько о нем, кажется, сколько о тюрьме... Было жалко уходить из нее...¹

Только ситуация Елены видится парадоксальной, такое вывернутое понимание свободы, а Вера Павловна – тривиальна, хоть и драматична, поэтому не привлекает к себе такого внимания (в том числе и внимания мужчин). Может быть, поэтому, застав жену за беседой с Сергеем Борисовичем в третьем действии, а затем, надеясь с ней примириться в четвертом действии, Иван Мироныч произносит одну и ту же выученную «формулу»:

Иван Миронович (*начинает всхлипывать*). Я вас... люблю до сих пор... Вы это понимаете? Нет, вы этого не понимаете... [*Встает и, пошатнувшись, рвет в клочки письмо.*] Кто вы были? Вспомните! Вы были сперва пепиньеркой, которая обучала девчонок танцам... Плясали за пятнадцать рублей в месяц ежедневно; плясали, когда вам даже хотелось плакать... А потом вы были гувернанткой и за какую-нибудь четвертную говорили на всех языках... Я вас вырвал из этой жизни... Я вас...²

Чириков идет в своей пьесе не только за Горьким, но и за Чеховым, особенно в передаче настроения. Как известно, чеховские пьесы имели сходный темпоральный прием. Драматург вписывал действие своих пьес в годичный цикл: первое действия – весна с ее надеждами, последняя – осень с ее утраченными иллюзиями [См.: 5, с. 161-162; 6, с. 146-147]. Чириков начинает «Ивана Мироныча» по-чеховски: вокруг нового обиталища семьи – сад, а там буйная весна с разнотравьем и разноцветьем. Это порождает надежды: в течение всего первого действия многократно звучит слово «новое», «по-новому». Это новое связано и с весной, и с садом. Все остальные события разворачива-

ются на фоне все той же весны и того же сада, однако на возможности персонажей начать жить по-новому это уже не влияет. Для Чехова важным является постоянное сопряжение Мира Божьего и Мира Человеческого, природы и человеческой жизни. Для Чирикова в конечном итоге природа становится благоприятным или неблагоприятным фоном для событий пьесы.

В диалоге Веры Павловны, Сергея Борисовича и Оли во втором действии возникает чеховское настроение.

Елена Андреевна («Дядя Ваня»). ... Среди отчаянной скуки, когда вместо людей кругом бродят какие-то серые пятна, слышатся одни пошлости, когда только и знают, что едят, пьют и спят...³;

Соня («Дядя Ваня»). ...и Бог сжалится над нами, и мы с тобой, дядя, милый дядя, увидим жизнь светлую, прекрасную, изящную, мы обрадуемся и на теперешние наши несчастья оглянемся с умилением, с улыбкой – и отдохнем. Я верую, дядя, я верую горячо, страстно...⁴;

Ольга («Три сестры»). Будем жить! Музыка играет так весело, так радостно, и, кажется, еще немного, и мы узнаем, зачем мы живем, зачем страдаем... Если бы знать, если бы знать!⁵

Особенно это проявилось в финале второго действия:

Вера Павловна. Кукушка точно плачет... Может быть, Оля, она плачет о том, что как было, так все и останется... И никакой новой жизни нет... Может быть, и ты, Оля, тоже...

Ольга. Нет, мамочка, нет! Знаешь, о чем она плачет?... Она плачет о том, что где-то есть другая, хорошая жизнь, а мы сидим тут и ничего не знаем! [*Ласкается к матери.*] Не грусти, мама!.. Слышишь?

Вера Павловна. Не веришь, Оля? [*Ольга молча кивает головой.*] Верь! Верь, моя хорошая, добрая, счастливая! Надо

¹ Чириков Е.Н. Указ. соч. С. 67.

² Там же.

³ Чехов А.П. Дядя Ваня // Чехов А.П. Полн. собр. соч.: в 30 т. Москва: Наука, 1978. Т. 13. С. 93.

⁴ Там же. С. 115.

⁵ Там же. С. 187.

верить, а то не стоит жить... [Затишают. Вдали грустно кукует кукушка.]¹.

Ю. Юзовский отмечает это чеховское слово «затишают»: «Для созидания “чеховского настроения” грустно кукует кукушка, “слышно, как где-то вдали далеко щелкает соловей”, затем “вдали тихо звучат колокольчики проезжающей пары”, пока наконец не “замирают вдали”. Чеховская лирика оборачивается сентиментальностью, чеховское неприятие жизни – жалобами на жизнь, глубоко символическое чеховское “верю” – натуралистически-житейским желанием перемены жизни» [7, с. 321].

¹ Чириков Е.Н. Указ. соч.

Подводя некоторые итоги, необходимо сказать, что несмотря на целый ряд современных театроведческих и литературоведческих работ [М.Ю. Любимовой [1], Э.П. Хомич [8], М.В. Михайловой, А.В. Назаровой, Д.В. Кротовой [9], А.В. Дисковец [10], М.А. Перепелкина [11] и др.], интерпретирующих драматургию Е.Н. Чирикова, она имеет большой потенциал для исследования. Чириков-драматург, продвигаясь «в кильватере» А.П. Чехова, М. Горького, Л.Н. Андреева, часто высвечивал такие аспекты и приметы своего времени, которые терялись за большими идеями, но в то же время по-своему отражал основные художественные тенденции эпохи.

Список литературы

1. Любимова М.Ю. Драматургия Евгения Чирикова и русская сцена 900-х гг. // Русский театр и драматургия эпохи революции 1905-1907 гг.: сб. науч. тр. Ленинград: Изд-во ЛГИТМИК, 1987. С. 34-57.
2. Соловьева И.Н. Евгений Николаевич Чириков [Электронный ресурс]. URL: <https://mxat.ru/history/persons/chirikov/> [дата обращения: 15.04.2024].
3. Строева М.Н. Режиссерские искания Станиславского. 1898-1917. Москва: Наука, 1973. С. 155-156.
4. Соловьева И.Н. Художественный театр. Жизнь и приключение идеи. Москва: Изд-во МХТ, 2007. 676 с.
5. Журчева О.В. Антиномия концептов «дом» и «путь» в пьесе М. Горького «Мещане» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2008. № 3. С. 145-152.
6. Журчева О.В. Автор в драме: Формы выражения авторского сознания в русской драме XX века: монография. Самара, 2007. 352 с.
7. Юзовский Ю. Максим Горький и его драматургия. Москва: Искусство, 1959. 779 с.
8. Хомич Э.П. Драматургия Евгения Чирикова: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1978. 200 с.
9. Михайлова М.В., Назарова А.В., Кротова Д.В. От прозы жизни к поэзии сказки (Е.Н. Чириков) // Современная драматургия. 2014. № 4: окт.-дек. С. 216-225.
10. Дисковец А.В. Пьесы Е.Н. Чирикова в контексте русской драматургии первой трети XX века // Вестник Полоцкого университета. 2020. № 2. С. 18-23.
11. Перепелкин М.А. Евгений Николаевич Чириков. Самарские страницы жизни и творчества: монография. Самара: Слово, 2020. 152 с.

Сведения об авторе:

Журчева Ольга Валентиновна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы, журналистики и методики обучения Самарского государственного социально-педагогического университета

ул. Максима Горького, 65/67, Самара, 443099
janvaro@mail.ru

Дата поступления статьи: 15.09.2024

Одобрено: 20.09.2024

Дата публикации: 10.10.2024

Для цитирования:

Журчева О.В. Между А.П. Чеховым и М. Горьким: пьеса Евгения Чирикова «Иван Мироныч» в постановке Московского художественного театра (1905) // Сфера культуры. 2024. № 3 (17). С. 57–65. DOI: 10.48164/2713-301X_2024_17_57

УДК 801.8+792.01+82-2

DOI: 10.48164/2713-301X_2024_17_57

O.V. Zhurcheva

Samara
Samara State University
of Social Sciences and Education
janvaro@mail.ru

BETWEEN A.P. CHEKHOV AND M. GORKY: EVGENY CHIRIKOV'S PLAY IVAN MIRONYCH STAGED BY THE MOSCOW ART THEATER (1905)

The study is devoted to the analysis of one of the most famous plays by E.N. Chirikov *Ivan Mironych* from the point of view of its reflection of Chekhov's and Gorky's artistic search. The process of staging the play at the Moscow Art Theater was reflected in K.S. Stanislavsky's directing diary, where the idea of the connection between the play and previous productions of A.P. Chekhov's and M. Gorky's works appeared for the first time. This director's observation makes us think not only about the peculiarities of the poetics of Chirikov's play, but also about the place of the playwright in the context of the literary and theatrical life of his time.

The common tendencies in recreation on the stage the Russian provincial life with its vulgarity, boredom, darkness of despiritualization make Chirikov's work akin to Chekhov's and Gorky's theater. However, Chirikov's characters are more modest and unassuming, their longing for the future is focused on establishing spiritual independence and does not go beyond the same ordinariness.

Keywords: E.N. Chirikov, the play *Ivan Mironych*, K.S. Stanislavsky's directing diary, the Moscow Art Theater, Russian province, ordinariness.

References

1. Lyubimova, M.Yu. (1987) *Dramaturgiya Evgeniya Chirikova i russkaya scena 900-x godov* [Evgeniy Chirikov's Dramaturgy and the Russian Stage of the 900's]. *Russkij teatr i dramaturgiya e`poxi revolyucii 1905-1907 godov: sbornik nauchny`x trudov* [Russian Theater and Dramaturgy of the Revolution Era of 1905-1907: a Collection of Scientific Works]. Leningrad: Publishing House of the Leningrad State Institute of Theater, Music and Cinematography, 34-57. (In Russian).
2. Solov`eva, I.N. *Evgenij Nikolaevich Chirikov* [Evgeny Nikolaevich Chirikov]. URL: <https://mxat.ru/history/persons/chirikov/> (Accessed: 15.04.2024). (In Russian).
3. Stroeva, M.N. (1973) *Rezhisserskie iskanija Stanislavskogo. 1898-1917*. [Stanislavsky's Directing Searches]. Moscow: Nauka, 155-156. (In Russian).

4. Solov`eva, I.N. (2007) *Xudozhestvenny`j teatr. Zhizn` i prikladyuchenie idei*. [Art Theater. Life and Adventure of Ideas]. Moscow: Publishing House of the Moscow Art Theater. (In Russian).
5. Zhurcheva, O.V. (2008) Antinomiya konceptov "dom" i "put`" v p`ese M. Gor`kogo "Meshhane" [Antinomy of the Concepts of "Home" and "Path" in M. Gorky's play *The Philistines*]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology], No. 3, 145-152. (In Russian).
6. Zhurcheva, O.V. (2007) *Avtor v drame: Formy` vy`razheniya avtorskogo soznaniya v russkoj drame XX veka: monografiya* [An Author in Drama: Forms of Expression of the Author's Consciousness in Russian Drama of the XXth Century: a Monograph]. Samara. (In Russian).
7. Yuzovskij, Yu. (1959) *Maksim Gor`kij i ego dramaturgiya* [Maxim Gorky and his Drama]. Moscow: Iskusstvo. (In Russian).
8. Xomich, E`.P. (1978) *Dramaturgiya Evgeniya Chirikova: dissertaciya ... kandidata filologicheskix nauk* [Evgeniy Chirikov's Dramaturgy: PhD thesis in philology]. Moscow. (In Russian).
9. Mixajlova, M.V., Nazarova, A.V., Krotova, D.V. (2014) Ot prozy` zhizni k poe`zii skazki (E.N. Chirikov) [From the Prose of Life to the Poetry of a Fairy Tale (E.N. Chirikov)]. *Sovremennaya dramaturgiya* [Modern Drama], No. 4: October – December, 216-225. (In Russian).
10. Diskovecz, A.V. (2020) P`esy` E.N. Chirikova v kontekste russkoj dramaturgii pervoj treti XX veka [Chirikov's Plays in the Context of Russian Drama of the First Third of the XXth Century]. *Vestnik Polockzskogo universiteta* [Bulletin of the University of Polotsk], No. 2, 18-23. (In Russian).
11. Perepelkin, M.A. (2020) *Evgenij Nikolaevich Chirikov. Samarskie stranicy zhizni i tvorchestva: monografiya* [Evgeny Nikolaevich Chirikov. Samara Pages of his Life and Creativity: a Monograph]. Samara: Slovo. (In Russian).

About the author:

Olga V. Zhurcheva, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor at the Department of Literature, Journalism and Teaching Methods of Samara State University of Social Sciences and Education

65/67 Maxim Gorky Str., Samara, 443099
janvaro@mail.ru